

18+

Радуга Светлова

ЦВЕТНАЯ КАША

Сборник рассказов

Радуга Светлова

Цветная каша. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Светлова Р.

Цветная каша. Сборник рассказов / Р. Светлова — «Издательские решения»,

Уютные, деревенские, щемящие душу истории. Одна кастрюля каши, сваренной с любовью, меняет судьбы троих мальчишек. А маленькое добро, посеянное в сердце, возвращается через тридцать лет. Рассказы Радуги Светловой — о том, что даже из ничего можно сварить самую вкусную кашу на свете.

© Светлова Р.

© Издательские решения

Содержание

Яишница	6
Когда помирала, такая красивая была	9
На синтепоне	12
Плед	14
Догоняй	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Цветная каша

Сборник рассказов

Радуга Светлова

© Радуга Светлова, 2026

ISBN 978-5-0070-3680-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яишница

— Куда тащишься? Я сам понесу.

— Не урони только. Чай не мешки с картошкой ворочать, яйца же.

— Сказал — сам, значит сам. Сиди вон, на крылечке.

Он выхватил у неё из рук лукошко, шагнул к крыльцу, поскользнулся на мокрой доске... И три десятка яиц, которые она с утра отобрала, самых крупных, грохнулись на землю вместе с ним. Он на левый бок, лукошко вдребезги, желтки по щелям между досками, по траве, по его рубахе. Она всплеснула руками, но не бросилась к яйцам, вмиг оказалась возле него...

— Господя! Живой? Кости целы?

— Отстань!

Он отмахнулся, заскрипел зубами, поднялся, отряхивая штаны, недовольный.

— И чего тебе нейдет? Я же сказал: сиди. Сиди, говорю. Нет же, вечно суешься куда не просят!

— Я сунулась? Ты сам выхватил, как окаянный.

— А ты б тащила, с грыжей своей? Потом опять в больницу, потом «ой-ой, не могу».

— Тебе больше не с кем ругаться, кроме меня? Вот ведь прицепился, как банный лист!

Он замолчал. Глянул на разбитые яйца, потом на неё, на её руки, скрюченные, но всё ещё быстрые, на её лицо, которое уже не назовешь молодым, но глаза... Глаза те же, что сорок лет назад, ясные, с грустинкой...

— Ладно... Будет тебе яишница. Я в курятник схожу, там ещё есть, наверное.

— Не надо. Хватит. Я суп сварю.

— Сказал, будет яишница, значит будет.

Буран облизывал крыльцо как одурелый, не понимал, за что ему такое счастье сегодня выпало, а Серёжа ушел за сарай, хромая сильнее обычного, ушиб, видно, колено. Зоя осталась стоять на крыльце, смотрела ему вслед и улыбалась.

Так же, как тогда, в семидесятом.

В семидесятом он пришел в клуб в солдатской форме. Ей тогда девятнадцать стукнуло, он на пять лет старше. Ходили слухи, что травму получил, теперь голова у него болит, от того такой серьёзный всегда, молчаливый. А она, Зойка, была заводная, смешливая, коса до пояса.

Он подошел к ней вечером, когда гармонь уже надорвалась, сказал всего лишь одно слово.

— Провожу.

Не спросил, а сказал.

И она пошла. Сама не поняла почему. Потому что шаг у него твердый, потому что глаза не бегают, а смотрят как сквозь душу, потому что поняла, что с ним, как за каменной стеной будет, хоть и не знала его вовсе.

По деревне шли молча. Луна, тишина, только собаки перекликаются. На полпути он остановился, взял её за руку, осторожно, как стеклянную.

— Выходи за меня, Зоя.

— Ты с ума сошел. Мы ж не знакомы даже.

— Я знаю всё, что мне надо. А остальное, по ходу дела разберемся.

Она рассмеялась, звонко, на всю улицу. А он не обиделся. Стоял, глядел на неё невозмутимо, кажется, даже любовался.

— Смейся, смейся. А я завтра опять приду к тебе.

Приходил каждый вечер три недели подряд. Иногда молча садился на лавку, курил, смотрел сквозь забор, как она возится во дворе. Её мать сначала косилась — не пьяный ли пришёл? Чего ему как мёдом тут намазано? Ходит и ходит как дурачок...

А потом увидела, как он чинил им забор без просьбы, как вёдра отнял у Зойки и воду таскал для скотины, как Зое ногу бинтовал, когда та на гвоздь наступила... И сказала дочери мамка своё слово...

— Дура будешь, если такого упустишь.

Не упустила.

Уехали из родной деревни мужем и женой, жили в землянке, пока дом свой строили. Он на стройке пропадал с рассвета дотемна, она — то раствор месила, то кирпичи подавала, то обед тащила ему за три улицы. Иной раз сядут вечером, усталые до чертиков, он на лавку, она к нему под бок.

— Сереженька, долго мы так? Устала, уже... Да и ты поди уже вымотался... Может домой вернёмся... Там хоть и денег нет, работы никакой, но мамки рядом... Жильё...

У него ни один мускул на усталом лице не дрогнул, только Зойку к себе крепче прижал.

— А ты не ной.

— Да я же не ною. Я уж так, к слову...

— К слову не надо. Всё у нас будет.

И правда, было. Дом поставили — небольшой, но крепкий. Печь сложили голландку. Она занавески повесила ситцевые, он стол сколотил дубовый, на века. Потом друг за дружкой ребята пошли... Ленька родился, потом Настька, потом еще один сынок, которого называли Петькой, в честь деда.

Он детей не баловал, мог и ремнем пригрозить, мог и прикрикнуть-«Цыц, разбойники!». Но по ночам, когда они спали, вставал, подходил к кроваткам, поправлял одеяла. Она видела, но делала вид, что не замечает. Он смущался, когда ловил её взгляд.

— Чего бродишь, не спишь?

— Воды пить захотелось...

— Спи давай. Завтра опять рано вставать.

А сам еще долго стоял, смотрел на детей... И на неё тоже смотрел, со страхом, будто боялся, что всё это исчезнет.

Зойка всегда беспшашная была... Детей в бане намочит, укутает, а сама налегке бежит по двору в одной ночнушке, распаренная, с мокрой головой. Он ругал её, грозился и вовсе в баню не пускать, ежели так делать будет, а она хохочет, мол, закалённая, ни одна хворь её не возьмёт...

Однажды, вот так после бани, выскочила с тазом белья — а на улице март морозный еще... Развесила одежду стиранную, озябла... Денька два ходила как чумная, а на третий день слегла с жаром... Неделю доктор лечил её, затем отправил в больницу, сказал — дело плохо, не оклемается...

Неделю в районной больнице лежала почти без чувств, под конец в город отправили, как поговаривали — умирать... Тогда, Серёжка детей отвёз матери, сам не отходил от жены, молился по ночам, плакал — впервые эмоции проявил такие...

Выплакал-таки себе у небес её, уж так за неё боролся он... Правда забирал он жену из больницы и сам дивился — как голова его стала совсем белая...

В трудах и хлопотах не заметили, как время прошло... Вот только старенькому нос платком утирали от соплей, а вот уже Ленька в город уехал с женой... Потом Настька...

Когда последний, Петька, уехал, Зоя три дня не находила себе места. То в его комнату зайдёт, подушку погладит. То на крыльцо выйдет, будто ждёт кого. Серёжа молчал. Только однажды вечером подошёл, по столу легонько стукнул.

— На нервах не играй мне, Зоя! Не век мальчику с нами куковать и мамку за подол держать! Уехал и слава Богу!

И она кивнула. Потому что он был прав.

Сначала шибко непривычно было, тишина в доме, ни криков, ни топота. Она к окну, глядит, а он с папиросой на лавку, телевизор где-то бормочет. Зоя страдала в тишине, поговорить не с кем... Как-то поплакав украдкой, к нему села рядышком...

— Скучаешь, Серёж?

— Чего мне скучать? Ты вот тут перед глазами ходишь туда-сюда. Чего мне ещё скучать?

— А по детям?

Он помолчал. Видно было, что грусть душе скользнула, но спрятал её в душе, очень даже искренне улыбнулся ей...

— А чего дети? Дети — не наша жизнь. Зато мы друг у друга навсегда и самые родные с тобой, как рыба с водой...

Она заплакала тогда, от неожиданности. Он редко такие слова говорил, всё больше делом доказывал. А тут так просто, так прямо.

Подошел, обнял за плечи, тяжелая ладонь, грубая, пахнет табаком, землей.

— Вот глупая. Чего ревешь опять?

— Довёл меня...

Вздыхнул. Погладил по голове, как девчонку. И пошел на кухню чай ставить. С двумя ложками сахара, с молоком. Потому что знал — она любит послаще, и чтобы с молочком.

В прошлом году он слег... Лежал неделю, бледный, молчаливый. Она носилась туда-сюда, то компресс, то таблетки, то бульон. А он отворачивался.

— Не надо. Отстань уже.

— Прекращай давай! Надо, значит надо.

— Чего надо? Сдохнуть надо. Всё, отходил своё.

Она тогда впервые за много лет на него голос повысила, аж за грудки его схватила.

— Замолчи! Слышишь? Замолчи! Не смей так говорить!

Он молча глаза закрыл, а она вышла в сени, села на чурбак и проплакала полчаса. Потом умылась холодной водой, вернулась, молча глядит на мужа. А он почуял, что она зашла, голову приподнял, якобы возмущается...

— Где ходишь? Каши давай. Я помирать не собираюсь тут...

Они спали раздельно последние годы. Как-то ночью совсем, она подошла к его кровати — проверить, живой ли? А то совсем тихий лежит... Живой. Легла рядом, на узкую полоску, прижалась к его спине. Он не шелохнулся. Только руку нашупал, накрыл её ладонь своей, шершавой, теплой.

— Замерзла?

— Немножко.

— Ну тогда лежи.

И она лежала. Слушала, как бьется его сердце, глухо, но ровно. И думала-вот оно счастье. Не то, про которое в книгах пишут. А то, которое само пришло, пока никто не видел.

Проснулась Зоя от грохота кастрюль, звякнула кружка, зашипела сковородка, и его голос, хриплый, не выпавшийся...

— Яишницу будешь, Зой? Яйца я собрал с пяток... Маловато конечно...

Она улыбнулась в подушку, почти шепотом сказала, чтобы он не услышал...

— Зато на днях Буран у нас от души налопался...

Когда помирала, такая красивая была

Ночью в деревне тихо. Но в доме Ольги Петровны было не до тишины. Дочь Настя завывала со своей кровати...

— Ма-а-а-ама! Всё! Конец мне пришёл... Внутри будто сам чёрт нутро царапает...

Ольга Петровна подскочила, будто её током ударило. Накинула халат, прошлёпала босыми ногами в комнату дочери. В темноте только и видно, что Настя скрючилась на постели, обхватив живот руками, и раскачивается.

— Ты чего? Заболела?

— Кишки болят, сил нет... Ягоды... Вон они, проклятые! Хана мне пришла...

— А я же тебе говорила не ешь много! А она — «вкусные, вкусные»... Слушать надо мать!

— Мам, хватит! Я умираю!

Ольга Петровна зажгла свет. Настя лежала бледная, как полотно, лоб мокрый, волосы слиплись. Одной рукой она держалась за живот, второй цеплялась за простыню. Женщина схватилась за сердце.

— Может, холод приложить?

— Какой холод, мам?! Меня внутри режут! Ой, режут! Прощай, мама! Прощай, белый свет! Завтра, когда вы меня в последний путь провожать будете, наденьте платье покрывшее и причешите как следует...

Ольга Петровна перекрестилась, но дочь одёрнула.

— Перестань юродствовать, Настька! Сейчас фельдшера вызовем, он тебе таблетку даст. Настя простонала, махнула рукой...

— Уехала фельдшер в город! К сыну, внука новорожденного глядеть!

Девушка замерла и добавила с таким отчаянием, будто это был приговор...

— Всё, мама. Не суждено мне тебе внука явить на свет, да замуж выйти. Не суждено детей нарожать. Лежать мне в сырой земле...

Ольга Петровна рывкнула, испуганно стала натягивать фуфайку.

— Прекрати уже! Я сейчас к Кольке побегу, у него лошадь да телега есть, отвезёт тебя в район, всего-то пять километров!

Она выскочила на крыльцо, натянула сапоги на босу ногу, накинула платок и побежала через огород, перемахивая через грядки как заяц. Было слышно, как стучит её сердце...

До Колькиного дома два двора. Принялась колотить в окно соседей. Сначала тихо, потом громче.

— Валька, Коля! Вставайте, беда!

Долго никто не открывал. Потом зашаркали шаги, дверь скрипнула, на пороге появился Мишаня, сынок их, растрёпанный, сонный... Ольга Петровна бесцеремонно прошла в переднюю.

— Зови мамку свою, отца. Лошадь ваша нужна. Дочь моя умирает...

Мишка моргает, пытается сфокусироваться. Затем продрал очи свои...

— Папка пьяный валяется в сених, а мамка ушла к тёть Зине шерсть валять, с ночёвой...

Ольга Петровна растерялась — как быть? Взрослых нет, только мальчонка дома... А затем по лбу себе шлёпает — Мишка же уже большой совсем, парень двадцати двух лет, крепкий, уже год как вернулся из армии, работает в соседнем хозяйстве.

— Мишань! Чего же ты стоишь? Лошадь выводи, запрягай! Настька моя умирает, надо срочно в район!

Мишка окончательно проснулся, стал метаться по дому, как ошпаренный... Испуганно сапоги натягивает, головой трясёт...

— А чего случилось-то, тётя Оль?

— Ягоды она объелась, бестолковая! Живот схватило! Мать не слушала... Фельдшера нет как назло!

Женщина утирает слезу, а Мишка молча кивает. Быстро и ловко запрягает лошадь, дело привычное, темнота ему не мешает. Потом заходит в соседский дом, чтобы помочь Ольге Петровне довести Настю до телеги.

Переступил порог и видит — Настя лежит на кровати в позе полумесяца, лицо белое, губы серые, по щекам слёзы текут. Заслышав шорох в сенях, снова запричитала истошным голосом, «Маманя, всё, кирдык мне! Прощай, мамуленька!»...

Голову легонько приподняла, видит, Михаил, сосед молодой появился в дверях, Настя как по команде в струнку вытянулась, замолчала. Глаза её, ещё секунду назад закрытые от боли, распахнулись... Заговорила тихим, почти прозрачным голосом, через силу...

— А... это вы, Михаил? Извините, у меня тут... желудок немного шалит.

И улыбку натянула на лицо, собрав все силы в кулак...

Ольга Петровна чуть не задохнулась от возмущения.

— Шалит?! Она минуту назад орала так, что у соседей собаки завывали! Шалит...!

Миша подошёл ближе, протянул руку, чтобы помочь подняться.

— Ты как, Насть? Идти сможешь?

Настя попыталась сесть, и тут же её перекосило. Живот скрутило с новой силой. Она скривилась, закусила губу, но уже ни звука не издала. Только простонала сквозь зубы еле слышно.

— Ой, я... сейчас...

Ольга Петровна на дочь глядит удивлённо, по дому носится, вещи дочери собирает, а Настя поднимается на ноги. Бледная, её трясёт, вот-вот свалится на пол... Но всё же проходя мимо зеркала, на себя глянула, волосы пригладила... Пусть помрёт, но пусть Мишка увидит напоследок, какая она красивая...

До телеги десять шагов. Сначала она шла прямо, шагов пять, потом согнулась пополам. Схватила за живот, замерла, дышит часто-часто. На Мишку поглядывает и машет ему рукой, улыбаясь сквозь слёзы...

— Ничего... ничего... Пройдёт.

Выпрямилась. Сделала три шага и снова скрючила. Но Мишка рядом, поддерживает под локоть. Настя старается идти ровно, чтобы он не заметил, как её колотит.

У телеги начинается новое испытание. Надо как-то залезть — и чтобы изящно получилось и так, чтобы в обморок от боли не свалится...

Настя понимает, что изящно забраться не получится. Она хватается за край телеги, подпрыгивает, но ноги не слушаются. Мишка берёт её за талию и тут случается чудо — Настя на миг забывает, что у неё болит. Сердце ухнуло куда-то вниз и застряло там, в районе большого желудка. Теперь уже появилось две боли — одна снизу, другая в груди. И неизвестно, какая сильнее...

— Осторожнее, Настя...

— Я... я ничего...

Она падает на сено. Лёжа, скрюченная, бледная, она пытается принять позу по красивее. Поджимает одну ногу, вторую вытягивает. Поправляет рубаху. Улыбается.

Ольга Петровна смотрит на это и думает: «Господи, ну и артистка из погорелого театра! Помирать пришла пора, а она тут выделяется»

Телега трясётся по ухабам. Звёзды прыгают над головой. Лошадь идёт рысью, Мишаня умело правит, Ольга Петровна сидит рядом, придерживая дочь.

Настя лежит на сене. Боль то отпускает, то накатывает с новой силой.

Когда отпускает, она приподнимается на локтях и смотрит на спину Михаила. Пытается заговорить...

— А вам... не зябко? Всё же ветер, а рубаха тонкая...

— Я привычный.

Настя вздыхает. Потом боль накатывает, и она падает на сено, закусывает губу, сжимается в комок. Но не стонет. Только шипит сквозь зубы.

Ольга Петровна шепчет, мол, чего шипишь?

— Насть, чего ты мучаешься? Покричи, легче будет.

— Что ты мама! Мишка скажет, орёт как поросёнок...

Мать закатывает глаза.

— Тебе кишки на узел завязывает, а ты думаешь, как перед парнем не опозориться!

Михаил оборачивается на минуту. Смотрит на Настю, на её бледное лицо, на мокрые волосы, на дрожащие руки. И ему снова становится страшно. Страшно, что не успеют довести её до больницы...

— Держись... Скоро приедем.

Настя кивает. И даже в этот момент находит в себе силы улыбнуться.

В районной больнице Насте делают операцию срочную. Доктор говорит, что вовремя привезли, иначе — дело было бы совсем худо...

Мишка ждёт в коридоре, вместе с Ольгой Петровной. Он долго не уезжал, ждал, хотя женщина гнала его...

Через недели две, когда Настя была уже дома, Миша пришёл к ней. Но прежде чем с Настей заговорить, у Ольги Петровны разрешения спросил — можно ли сватов присылать?

Ольга Петровна всплеснула руками...

— Ты чего, парень? Раньше и не глядел в её сторону, а тут сваты сразу... Хоть бы узнал какая она, поговорил бы...

Михей посмотрел на Настю — она стояла у печи, красная как рак, теребила фартук.

— А чего говорить? Я её уже видел. Она, когда помирала, такая красивая была...

Настя пискнула и выбежала в сени.

А Ольга Петровна вздохнула, перекрестилась...

— Ну, проходи. Самовар поставлю.

На синтепоне

Рита ходила на работу мимо небольшого парка. Каждое утро через дворы, мимо старых тополей и серой пятиэтажки. И иногда она видела дворницу.

Женщина лет пятидесяти пяти, худая, сгорбленная, в осенней куртке, хотя наступили уже холода. Она мела, скребла, сгребала листву в кучи, и всё это молча, в каком-то тихом отчаянии. Лицо у неё было синюшное, осунувшееся, словно она давно не ела горячего. Или вообще не ела.

Рита проходила мимо и каждый раз чувствовала, как что-то сжимается в груди. Грустные мысли бежали одна за другой...

«Жалко-то как... Но чем я могу помочь? У меня самой зарплата маленькая, еле-еле на хватает. Сказать „нате вам сто рублей“? А вдруг пошлёт? Или обсмеёт?»

Каждый раз находились оправдания. Первый раз, потом второй. На третий уже бежала мимо, опустив глаза, чтобы не встречаться взглядом.

А на четвёртый раз остановилась.

До этого, еще дома, в кладовой, она откопала мамину старую куртку. Зимнюю, выцветшую, но добротную, на синтепоне. Мама когда-то дала её на дачу — «доносить, а то жалко выбрасывать». Рита сложила объёмную куртку в пакет из супермаркета и пошла на работу раньше обычного.

Сердце колотилось... Рита подошла к дворнице, чувствуя, как горят щёки.

— Извините. У меня тут куртка есть. Тёплая, на синтепоне. Вы не против? Я вижу, вы мёрзнете... Если вы не обидитесь, конечно...

Дворница подняла голову. Глаза у неё были уставшие, но живые. Посмотрела недоверчиво на пакет, потом на Риту. Хрипло уточнила...

— Мне?

— Вам, вам. Берите, пожалуйста.

Женщина достала куртку, повертела в руках, словно это дорогушая, брендовая вещь, восхищённо провела ладонью по подкладке. А потом глаза у неё заблестели, и она чуть не заплакала.

— Дочка... да что ж ты... спасибо тебе, родная... Такую вещь отдаешь...

Она сразу натянула куртку, застегнулась, завязала капюшон. Лицо её порозовело, она улыбнулась... Искренне так, будто получила в подарок яхту...

Рита смотрела и чувствовала, как оттаяло что-то у неё внутри. Захотелось обнять её, но она сдержалась, просто погладила по плечу. На ходу придумала еще одну идею...

— А давайте я вам ещё шаурму куплю? Тут за углом палатка, они вкусно готовят...

— Что ты, дочка, не надо...

— Надо-надо. Я быстро!

Она купила. Дворница ела жадно, торопливо, оглядываясь по сторонам, словно боялась, что сейчас прибегут и отнимут. Рита стояла рядом, куталась в свой дешёвенький пуховик и улыбалась.

Перед тем как уйти, женщина вдруг схватила её за руку, рука была холодная, но хватка крепкая.

— Ты очень добрая. Тебе повезёт в жизни. За то, что мне помогла, бог отблагодарит. Купи обязательно сегодня лотерейный билетик. Вот увидишь, повезёт.

Рита усмехнулась, но на обратном пути всё же зашла в киоск и купила. Сто рублей. Хотя в кармане лежало всего пятьсот... Всё равно — мелочь.

Она шла на работу, и внутри у неё разливалось невероятное тепло. Не от шаурмы, не от куртки. От того, что она сделала. Сделала сама, пересилив свой стыд и страх.

«И правда, всё будет хорошо!»

Через два дня начальник, который никогда не замечал, её серую и неприметную, вдруг вызвал её к себе. Даже имя оказывается помнит...

— Рита, тут одни бездельники кругом, а я вижу, что ты среди них самая ответственная, заявок больше всех оформила. Умница. Я в соседний отдел перехожу, хочу вас с собой позвать. Там и зарплата чуть выше и график удобнее. Хотите?

Она хотела. Ещё как хотела. Это же рост, чуточку больше денег, график такой удобный... Она вышла совершенно счастливая из кабинета и первым делом захотела найти дворницу. Поблагодарить, обнять. Рассказать, что та была права.

Но на месте женщины стоял крепкий мужчина в спецовке, равнодушно сгребал листву и не поднимал головы. Рита с надеждой подошла к нему.

— А где та женщина, которая здесь работала?

Мужчина был не слишком разговорчив, недовольно буркнул в ответ.

— Не знаю. Не было тут никого.

— Как не было? Я же каждый день...

— Сказал, значит не было. Я тут второй месяц работаю.

Рита пожала плечами. Может, показалось? Может, ей всё приснилось?

Но куртка в кладовой исчезла. И шаурма была точно, она даже запах этот помнит, яркий, чесночный..

Она достала из сумки лотерейный билет, проверила. Вот же он — и купила она его неспроста. Кстати, розыгрыш был вчера. Рита решила проверить его, пока помнит. Проверила и засмеялась от радости.

Выигрыш — триста пятьдесят рублей.

Ровно столько, чтобы купить себе любимый кофе и посидеть в кафе у окна.

Она так и сделала. Деловито заказала большой капучино, важно села у стекла. За окном светило солнце, морозный воздух искрился, люди шли по своим делам, спешили, кутались, как ни странно — улыбались. Почему она раньше этого не замечала?

Рита смотрела на них и думала — как хорошо, что в мире есть добрые дела, которые ничего не стоят. И как хорошо, что они возвращаются, не деньгами даже, а вот таким теплом, ласковым, смешливым...

Она отпила кофе. Солнце светило прямо в лицо.

И всё действительно было хорошо.

Плед

Миле уже шестьдесят. Она живёт одна в небольшой квартире, которую когда-то купила сама уже после того, как всё рухнуло. Дочь Алёна приезжает изредка, но тепла между ними нет, разные по характеру, да и упрекает она маму, мол, лишила ты меня и папки, и сестры... Мила соглашаясь, кивает головой, обреченно так, но уже без слёз...

Мила по утрам пьёт чай из кружки с трещиной, той самой, которую Андрей когда-то привёз из командировки. Других кружек у неё полно, целый сервант, но она берёт именно эту. Потому что трещина напоминает ей — всё хорошее когда-то может разбиться...

Подруги по возрасту собираются на лавочке, некоторые обсуждают бывших мужей. Кто-то клянёт своего за пьянство, кто-то за побои, кто-то за то, что ушёл к молодой.

Мила молчит.

— А ты чего? Твой-то, небось, тоже козёл был? Бросил вас с дочкой...

Мила качает головой.

— Не был он козлом. Он самый лучший был.

Подруги не верят, переглядываются, с сарказмом ухмыляются. Думают, Мила врёт, чтобы себя в лучшем свете показать, выкобенивается...

А она сразу вспоминает, как Андрей вставал по ночам к маленькой Лёльке, дочке, от первого брака, укачивал её, когда та плакала. Как он варил ей манную кашу без комочков, потому что только так Лёлька соглашалась есть. Как он приходил с работы уставший, злой, но увидев Милку менялся сразу, целовал в макушку...

Мила так и не встретила никого лучше него. А сейчас уже и подавно не встретит.

Его не винит ни капельки... Иногда себя винит, ругает, а его нет... Ночами, когда не спится, прокручивает тот разговор. Тот самый, когда слова вылетели и уже не вернёшь ничего назад...

«Тогда забирай свою дочь!»

Она сказала это зачем-то. Мила, которая любила эту девочку по-своему. Она учила её читать, заплетала ей косички, плакала, когда Лёлька в первый раз пошла в школу...

И в один миг всё это перечеркнула собственными руками. Потому что обиделась как дурочка, решила ударить побольнее. Ударила и попала ему в самое сердце.

А началось всё так обычно, безоблачно, много лет назад...

Познакомились они в институте. Ей двадцать шесть, ему тридцать два. Он уже был женат, разведён, с маленькой дочкой, которая жила с матерью. Андрей не скрывал ничего, сразу сказал всё как есть.

— Мил, у меня дочь есть, Лёлька. Три годика. Я её люблю очень, но — если тебе это мешает, давай сразу разбежимся, чтобы потом не мучиться.

Мила тогда удивлённо рассмеялась.

— Ты чего, дурак? Почему мне это может мешать?

Андрей посмотрел на неё долгим взглядом. Сомневался, что она не понимает, на что соглашается. Молоденькая ещё совсем, жизни не видела...

Но Мила всё отлично понимала и жизни чуток хлебнула. Росла без отца, тот ушёл в другую семью, почти по соседству. Про дочь забыл. Поэтому Мила знала, каково это, когда тебя родной отец тебя бросает...

Мила и Андрей съехались в маленькую двушку на окраине города. Стены тонкие, мебель старая, но они были молоды и счастливы. Андрей работал на заводе инженером, Мила в какой-то конторе экономистом. Денег хватало только на еду и самое необходимое. Но Мила не жаловалась, даже находила их жизнь вполне приемлемой.

Однажды позвонила бывшая жена Андрея.

— Забирай Лёльку. Я выхожу замуж. Потом заберу, наверное...

Мила стояла рядом и слышала этот разговор. Андрей положил трубку, повернулся к ней растерянный, поникший... Наверняка за эти секунды расписал, как Мила собирает вещи, как он сидит в пустой квартире с Лёлькой... Но Мила перебила его «планы».

— Чего ты так смотришь, Андрюх? Я ведь совсем не против, собирайся скорее и вези.

На следующий день четырёхлетняя Лёлька стояла на пороге с маленьким рюкзачком и плюшевым зайцем под мышкой. Она смотрела на Милу испуганно, большими глазами. Мила подалась ей навстречу.

— Ну здравствуй, наш новый житель. Я Мила. Мы вместе будем жить с тобой и папой. Хочешь, чаю с печеньем? Я специально сбегала, купила двух видов.

Лёлька кивнула. Мила взяла её за руку, маленькую, холодную и повела на кухню.

Она не пыталась заменить мать, но, когда Лёлька плакала по ночам, Мила сидела подле неё. Когда Лёлька боялась темноты, Мила оставляла свет в коридоре. Иногда ругала Андрея, когда тот был излишне строг. Когда Лёлька первый раз пошла в садик, Мила целый час стояла под окнами и прислушивалась — успокоилась ли?

А потом родилась общая дочь, Алёнка.

Андрей, когда увидел её в роддоме, не смог сдержать счастливой улыбки, обнимал жену, не выпускал её рук...

— Спасибо тебе, Мил...

— За что?

— За всё.

На обратном пути, совершенно посторонним прохожим сообщал счастливую новость, что у него дочь еще одна родилась и что он любит всех за это счастье, что даровали ему небеса...

Жили бедно, но дружно. Мила не помнила, чтобы они сильно ругались. Иногда спорили о деньгах, о том, как лучше воспитывать детей, о том, куда поехать в отпуск (так и не поехали никуда, денег не было). Но чтобы кричать, чтобы бить посуду, чтобы спать в разных комнатах, такого не было.

А потом Миле предложили работу.

В родном посёлке, где жила её мама, открывалось сельхозпредприятие. Нужен был экономист. Платили хорошо по тем временам даже очень. И жильё, считай готово — мамин дом, большой, с кучей комнат. Мила сразу сказала Андрею, такую возможность упускать нельзя.

— Давай переедем. Тут нечего думать.

Он помолчал. Он не хотел жить у тёщи, гордый был, но и держать семью в нищете не хотел тоже. Скрепя сердце согласился.

Потом уже понял, что ошибку допустил. И Мила поняла это потом, много лет спустя. А тогда она очень радовалась новой работе, новому дому, тому, что мама рядом поможет с детьми. Мама конечно помогала, чего скрывать. Но помогала по-своему. Как-то за ужином, повязав фартук строго поглядела на зятя...

— Андрей, ты когда работу нормальную найдёшь? Или так и будешь на Милкиной шее сидеть?

Мила одёргивала женщину, защищала мужа

— Мама! Хватит!

— А что? Правду говорю. Двое детей, а он — инженер без работы. Хорош, нечего сказать. Андрей молчал. Вставал из-за стола, уходил в сад, курил там, а Мила бежала за ним.

— Не обращай внимания. Она уже в возрасте, характер ни к черту...

— Она права. Я нищий.

— А мне не нужны деньги.

— Детям нужны.

Они обнимались. Мила думала, что со временем это пройдёт, привыкнут друг к другу мама с мужем. Но мама не унималась. Упрекала Андрея всем, и тем, что он пришёл в дом с «чужим ребёнком», и тем, что не может обеспечить семью, и тем, что Мила устает на работе, а он сидит дома.

Андрей пытался, искал работу, но в посёлке её не было. Только на полях трудиться, на лесопилку подсобные, но он не умел ничего этого, боялся. Городским же был, кабинетным. Умел чертить, рассчитывать, считать. А тут картошка, навоз, коровы...

Мила тоже с работы ушла через год. Обещанных денег не платили, а тяжесть была непосильная, сутками пропадала в полях, семью почти не видела. Остались без всего, без работы, без денег, без надежды.

Как раз тогда и случился тот самый разговор.

У Андрея была единственная вещь, которую он берёт больше всего на свете. Вязанный плед, шерстяной, с затейливым узором. Его мама связала за год до смерти. Она у него была настоящая мастерица, такие косы, такие ромбы, такие шишечки, что ни в одном магазине не купишь.

Андрей держал плед в ящике, переложенный нафталином. Доставал иногда, просто посмотреть, погладить, вспомнить детство и мамины руки. Мила понимала, что для мужа это не просто вещь, а память. Хотя иногда хотелось постелить необычную вещицу, но она никогда не трогала плед.

Мамка же этого совсем не понимала, ворчала...

— Чего он его прячет? Трясётся над тряпкой...

Мила отмахивалась, мол, мам, не трогай, это ему дорого. Но однажды, когда Андрея не было дома, мать всё же взяла плед, постелила в сенях на старый диван. Тот самый диван, куда дворовый пёс запрыгивал, когда его пускали в дом. Андрей вернулся, увидел, и в лице поменялся...

— Кто это сделал?

— Я! А что? Плед для дела, а не для пыли. Я сама в своём доме хозяйка, захотела и постелила!

Тёща вошла в раж, а Андрей молча снял плед. Потом пошёл в сени и долго сидел там, на крыльце, курил. Мила вышла к нему.

— Прости. Я не уследила.

— Не надо было нам сюда ехать. Я говорил.

— Ну чего теперь делать?

— Обратно ехать.

— А жильё? Работа? Как мы с девчонками будем по вокзалам шастать искать ночлег?

Он докурил, затушил бычок и ушёл в дом. С этого дня замкнулся, разговаривал только с детьми, с Милой коротко, по делу. С тёщей вообще не говорил. Через неделю он заявил за ужином, твёрдо, без сомнений.

— Я уезжаю. В город. Найду работу, сниму квартиру, потом вас перевезу.

Мила опешила.

— Один?

— Один. Так будет лучше и ты сама это понимаешь. Мне, мужику будет гораздо проще найти и работу и с жильём разобраться.

Мила конечно же понимала, он прав. Но внутри у неё всё кипело. Ей показалось он её бросает, уезжает, потому что не может жить с её матерью. Потому что устал и потому что она, Мила, не смогла защитить его.

Она так хотела сказать—«Я с тобой и точка!». Или— «Давай вместе придумаем что-то другое. Тебя одного не пущу!»

Но она сказала совсем другое, то, что сама не ожидала...

— Тогда забирай свою дочь

Слова вылетели сами. Мила не успела их поймать. Они уже летели через кухню, через стол, врезались в него острым копьём, пробили насквозь...

Андрей резко поднял голову — в его глазах было что-то такое, что Мила никогда не видела. Не гнев, не боль, а разочарование. Такое глубокое, что дальше уже некуда. Он даже переспросил, словно хотел убедиться...

— Что ты сказала?

Мила уже не смогла повернуть назад. Она уже вцепилась в эту обиду, как в соломинку и её несло...

— Я сказала забирай. Раз уезжаешь, забирай свои проблемы.

Лёлька стояла в дверях, всё услышала. Мила увидела её лицо, белое, испуганное, с большими глазами, полными слёз. И в тот же миг захотела провалиться сквозь землю.

— Лёлька, я не...

Но Лёлька убежала, а Андрей молча собрал вещи. Не прощаясь, не оглядываясь.

Он уехал через два дня с Лёлькой. Забрал свой плед, мешок своих вещей, детский рюкзачок. Мила стояла у окна и смотрела, как они идут по деревенской улице к автобусу. Лёлька обернулась на секунду. Мила подняла руку, но девочка отвернулась.

Андрей устроился на завод. Те же чертежи, та же зарплата, маленькая, но хоть что-то. Снимал угол в коммуналке. Лёлька ходила в школу, делала уроки, ждала отца с работы. Он приходил уставший, садился рядом, проверял тетрадки. Жили тихо, бедно, тяжело.

На заводе была женщина, Таня. Она работала в бухгалтерии, тоже одна, с ребёнком. Таня заметила Андрея, молчаливого, грустного. Стала помогать то обед принесёт, то Лёльку из школы заберёт, то вещи стирает. Андрей был благодарен. Он не искал любви, ему было не до того. Но Танино тепло грело.

У Тани был один недостаток-она очень любила выпить. Не каждый день, но часто. Сначала Андрей не придавал значения. Потом сам стал пить с ней. Тяжело было, душа болела по Миле, по дому, по тому, что разрушил свою семью сам. Он не пил много, так, чтобы забыться. Но иногда забывался слишком сильно.

И вдруг оказался зависимым, в отличии от Таньки...

Андрей приезжал к Миле два раза. Первый раз через год.

Она открыла дверь и замерла. Он стоял на пороге, похудевший, осунувшийся, с серым лицом.

— Мила, прости. Я без тебя не могу. Давай всё вернём. Помоги мне...

Она хотела кинуться ему на шею. Хотела сказать — «Да, да, да, я тебя ждала! Мы всё сможем исправить!» Но эта гордость дурацкая, тупая... Самолюбие задетое...

— А что, у твоей алкашки кончилась водка? Ко мне пришёл?

Он вздрогнул.

— Не надо так.

Мила чувствовала, что несёт чушь, но не могла остановиться.

— Быстро ты мне замену нашёл. А теперь обратно хочешь?

Он стоял, смотрел на неё с дикой тоской, горечью...

— Никого я не искал. Ты одна в моём сердце...

Она промолчала, а он ушёл. Не смог настаивать, надеялся на её чувства...

Второй раз через два года. Снова стоял на пороге. Еще более похудевший, с легким запахом спиртного, с трудом подбирающего слова. Сейчас, верни её в тот вечер, она бы затащила его в дом, отпоила бы чаем, согрела бы, ни за что бы не отпустила бы обратно... Но тогда в голове что творилось...

— Иди отсюда. Выпил, теперь совесть мучит? Пришёл мне нервы трепать?

Он не стал спорить, повернулся и ушёл, теперь уже навсегда.

Через несколько лет Миле позвонила Лёлька. Взрослая уже, голос совсем чужой, обиженный. Она немного запинаясь от эмоций.

— Мила, папа... Папа утонул.

Ноги Милы подкосились, она села на табуретку.

— Как?

— С товарищами на речку поехали. Пили на берегу, а он, говорят, пошёл куда-то далеко от них прямо по реке замерзшей. Лёд совсем тонкий был. Провалился папка...

Мила молчала. В трубке тихо плакала Лёлька, затем бросила трубку.

Мила минуту сидела с трубкой в руках, затем вышла на кухню, обхватила себя руками. И завывала в голос. Она не плакала так даже на похоронах матери.

Потому что это она убила его. Не водка, не лёд, не Таня, а она, со своей гордостью. Её слова -«забирай свою дочь» били её по ушам, по голове...

Однажды Мила ехала в автобусе и увидела Лёльку. Узнала сразу по глазам. Такие же, как у Андрея серьёзные, грустные, с прищуром. Похожи они были.

Лёлька сначала не хотела говорить, отвернулась. Но Мила подошла, села рядом.

— Лёль. Прости меня.

Лёлька молчала долго. Потом заговорила.

— Я же вас так долго ненавидела. Вы меня предали.

— Я тебя предала. Сама знаю.

— Папа защищал вас. Говорил, что вы просто испугались. Мне так обидно было...

Мила заплакала.

Они сидели в автобусе, смотрели в окно. Люди заходили, выходили, никто не обращал на них внимания. А две женщины плакали, одна пожилая, другая взрослая, и не могли остановиться.

— Лёль. Ты простишь меня когда-нибудь?

Лёлька посмотрела на неё. Шмыгнула носом и улыбнулась, той улыбкой, которую Мила помнила с детства.

— Папа велел простит... Хотел, чтобы я вас нашла обязательно, когда-нибудь... Не знаю... Но я больше не злюсь...

Они вышли вместе, выпили кофе, договорились встретиться еще раз...

Мила однажды шла по рынку и увидела плед, что продавала бабулька одна, которой лет сто было. Глянула на пледик и ахнула — один в один, что у Андрея был, с такими же ромбиками, рюшками. Дорогуций был, но Мила отдала вдвое больше бабуле, купила не сомневаясь...

Она не знает, зачем ей этот плед. Лежит в ящике, иногда она его достает, с улыбкой расстилает на диване. Прислушивается и хочет услышать голос Андрея, как он ворчит, что она достала плед, что он испачкается, порвётся... А потом Мила проигрывает в голове их встречу, ту, когда он приехал к ней в первый раз, после разлуки...

— Раз приехал, заходи. Хватит дурить. Попробуем всё сначала?

Но ей никто не отвечает, да она и не ждет уже ответа...

Догоняй

Евгений не на шутку захворал. И ладно бы это был грипп или с пищеварением проблемы, с тем хоть бороться можно, таблетки там, ингаляции, постельный режим. У Жени проблема оказалась похлеще, и лекарства от неё он совсем не знал.

Всё началось незаметно, как обычно и бывает. В одно время как-то бросил особо в зеркало смотреться, работа, усталость... Так уж, побреется на бегу, украдкой бросит взгляд — не прилипло ли ничего... А потом однажды поймал своё отражение в окне автобуса и обалдел...

Стоял, смотрел на какого-то лысеющего, опухшего мужика с мешками под глазами, и не понимал куда делся тот поджарый парень, который ещё вчера, кажется, бегал на лыжах и смешил Алину до колик?

Дома, при ярком свете, он рассмотрел себя подробнее и пришёл в ужас. Во-первых, у него появился живот. Круглый, упругий, как желе. Он раньше смеялся над мужиками с такими, а теперь сам как-то в их число попал.

Во-вторых, лысина посередине как-то резко нарисовалась, ещё в прошлом году была только намёк, а теперь ан, нет волос, одна гладкая поляна. В-третьих, лицо... лицо стало похоже, простите, на куриную попу — мелкие морщины, рыхлая кожа, складки какие-то.

И это он ещё не говорит про поясницу, которая стреляла по утрам, про память, которая стала подводить в самые неподходящие моменты, и про то, что пришлось наконец натянуть эти дурацкие очки, сначала для чтения, а потом и для всего остального. Алина стала нервничать, приставать по десять раз на дню...

— Женя, ты чего такой хмурый?

— Так, мысли. Отстань.

А мысли были нехорошие. Они крутились вокруг одного простого и страшного вопроса — за что она его ещё терпит?

Алина была его ровесницей, стукнуло обоим пятьдесят в прошлом году. Но она каким-то чудом сохранила более-менее приличный вид. Не девочка, конечно, но фигурка ладная, причёску сделала каре, так ей идёт, прямо лет на десять моложе выглядит. Лицо хоть и с морщинками, но такое лучезарное, ровное, глаза живые, смешливые. Глаз не оторвать.

И сердце у Жени кровью обливалось от мысли, что не захочет она с ним до ста лет быть. Такая любимая, и вдруг поймёт, что старая перечница ей совсем не пара. Найдёт себе спортсмена, как пить дать, на лыжах с ним будет гонять...

Казалось, она назло ему улыбается, смеется и он начал придирается. Сначала по мелочи — то суп пересолен, то подушка не так лежит. Алина удивлялась, но молчала. Потом стала отвечать ему в том же тоне, а он огрызаться, потом оба уходили по комнатам и хлопали дверью. Она плакала потихоньку, а он делал вид, что не замечает и как будто даже радовался её слезам.

Нет, думал он, не зря она не курила, спиртное не пила. Ему, главное, сколько говорила — бросай курить! Хитрая, до сих пор на велике ездит... Правильно, старость за ней просто на просто не успевает. Как пить дать, ей уже противно на мужа смотреть.

Ну точно, найдёт себе молодого, спортивного, с кем на лыжах кататься, а его... его выбросит на помойку. Отчего-то, ему казалось, что его соперник уже существует и обязательно на лыжах хорошо катается...

Сам себя накручивал, сам себе доказывал, что разлюбила, что терпит из жалости, что скоро вот-вот скажет страшную новость... В начале декабря он ей сам заявил, так сказать, опередил.

— Кончилась моя жизнь. Всё. Песенка спета.

Алина испуганно уставилась на него.

— Ты чего? У тебя температура? Заболел?

— Заболел. Старостью.

Алина попыталась пошутить, обнять его, он резко отстранился.

— Оставь. Мне одному побыть надо.

Он ушёл в комнату, лёг на диван и долго смотрел в потолок. В голове крутилось одно — «Как же теперь жить? Куда себя деть? Кому я буду нужен такой?»

Через неделю собрал вещи. Говорил с женой очень сухо, не смотрел в глаза.

— Я в деревню. Дом посмотрю. Давно не был.

Алина кинулась было собирать вещи, засуетилась.

— Я с тобой.

— Не надо. Я один.

Она не стала спорить, уселась на диван.

— Ты вернёшься? Если уходишь, уходи... Хватит мне уже трепать нервы, надоело...

Он не ответил, вздохнул и вышел из квартиры.

Деревня встретила его морозом и тишиной. Снегу навалило по самую крышу, дороги нечищены. Женин дом старый, отцовский, потом дедовский, стоял на отшибе, сиротливо притулившись к лесу. Забор покосился, труба дымила слабо он попросил соседа протопить перед приездом.

Женя зашёл внутрь, огляделся. Печка гудела, в комнате было тепло, пахло деревом и сушёнными травами. В углу на полке стояли фотографии, мама с папой, он сам маленький, дед с бабкой. Никого уже нет, все ушли.

— Доживай тут.

Это он сказал сам себе и заплакал. Плакал долго, уткнувшись лицом в подушку. Никто не видел, не стыдно.

А утром, когда он вышел на крыльцо покурить, увидел её.

Женщина в старом тулупе, в валенках и пуховом платке методично размахивала лопатой, расчищая дорожку от дома до калитки. Снег летел в стороны, спина была ровная, движения, спокойные, привычные.

Женя пригляделся и ахнул.

— Тётя Валя?!

Она обернулась, приставила руку козырьком к глазам.

— А кто тут? Женька? Ба... Какой ты вымахал!

И засмеялась, по-молодому, звонко.

Валентине Ивановне было около восьмидесяти, она стояла по пояс в снегу с лопатой в руках и предлагала Евгению помощь, приведя дыхание в норму.

— Ты это, Жень... Я почти закончила. Коли хочешь, подсоблю тебе, у тебя вон сугробы выше крыльца.

Женя сглотнул. Ему стало стыдно. Тётка на двадцать семь лет старше, а он сидит на крыльце, курит, жалеет себя.

— Не надо, тёть Валь. Я сам.

Взял лопату и начал копать. Сначала тяжело, непривычно, поясница заныла, дыхание перехватило, мозоли на руках сразу вылезли. Но потом, через час, вошёл во вкус. Кровь побежала быстрее, лёгкие раскрылись, глаза слезились от мороза, но в груди стало легко и свободно.

Он прокопал дорожку до калитки, потом до сарая, потом до тёти Валиного дома, они рядом жили, через два участка. Она поглядела на него с уважением.

— Ну ты даёшь... Столько снега перекидал, вот она молодость, что ни говори...

Женя улыбнулся. Впервые за много дней.

Через пару дней к Валентине приехал таинственный гость. Из Краснодара, на поезде, трое суток тряся. Семён Петрович, семьдесят шесть лет, друг молодости. Высокий, поджарый, с шапкой седых кудрей и живым блеском в глазах. С порога скинул валенки, закричал.

— Принимай, Валя! Я на недельку, до воскресенья. Баньку истопим сейчас, свежих веников с чердака принесу.

Валентина засуетилась, заулыбалась и... помолодела лет на двадцать. Женя глядел на них как на кино какое. Старик, которому под восемьдесят — веники запаривает, баню сходу топит. Валентине фуфайку подаёт, комплименты такие замудрёные говорит.

Вечером сидели втроём за столом, пили чай с пирогами. Семён Петрович глядел на Валентину так, будто она была барышней, а он совершенно юным кавалером. Когда Валентина вышла за вареньем, он подмигнул мужчине.

— Женька... Где мои пятьдесят лет? Ууух, сейчас бы!

И засмеялся, залиvisto так, без единого намёка на старость. Поздно вечером, когда Семён Петрович улёгся спать на печи, захрапел, Евгений засобирался. Но перед выходом, спросил у Валентины, что стелила себе в передней половине. Немного стесняясь, почти шепотом...

— Тётъ Валь. А вы не боитесь?

— Чего, сынок?

— Старости. Смерти. Одиночества.

Валентина помолчала, глядя на огонь в печке.

— Знаешь, Жень... Лежишь — болит. Встаёшь — проходит. А себя жалеть — хуже любого гриппа. Валит наповал, а лекарства нет...

Женя хотел поспорить, но она помотала головой, махнула рукой ему на выход.

Утром Женя проснулся рано, загрузил вещи в машину, попрощался с Валентиной и Семёном Петровичем, который уже хлопотал во дворе. Дорога домой заняла три часа. Последний час он не ехал, летел. В голове крутилось -«Алина, прости. Алина, дурак я. Алина...»

Он решил заехать в супермаркет за цветами. Зашёл, оглядел витрину — и уныло покачал головой. Всё какое-то тусклое, вялое. Розы бледные, герберы дешёвые, композиции на скорую руку.

И вдруг краем глаза заметил спортивный магазин через дорогу. Стоял, сомневался минуту. Стеснялся. Потом перешёл улицу.

В спортивном магазине было светло и просторно. Пахло резиной и новыми вещами. Женя медленно прошёл вдоль витрин, разглядывая лыжи, сноуборды, костюмы. Молодой парень недоверчиво оглядел упитанного мужчину.

— Подсказать?

— Покажите мне лыжи. Две пары.

— Две?

— Да. Мне и жене.

Продавец удивился, даже усмехнулся.

— Может вам чего попроще? Палки для скандинавской ходьбы например?

Евгений так строго взглянул на паренька, что тот живо выложил лучшие модели, помог с креплениями, подобрал ботинки. Женя отгрохал кучу денег — столько, что хватило бы на неделю в Турции. Но ему было совсем не жалко.

Он ехал домой с лыжами на багажнике и цветами на переднем сиденье. Розы он всё-таки купил вдогонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.